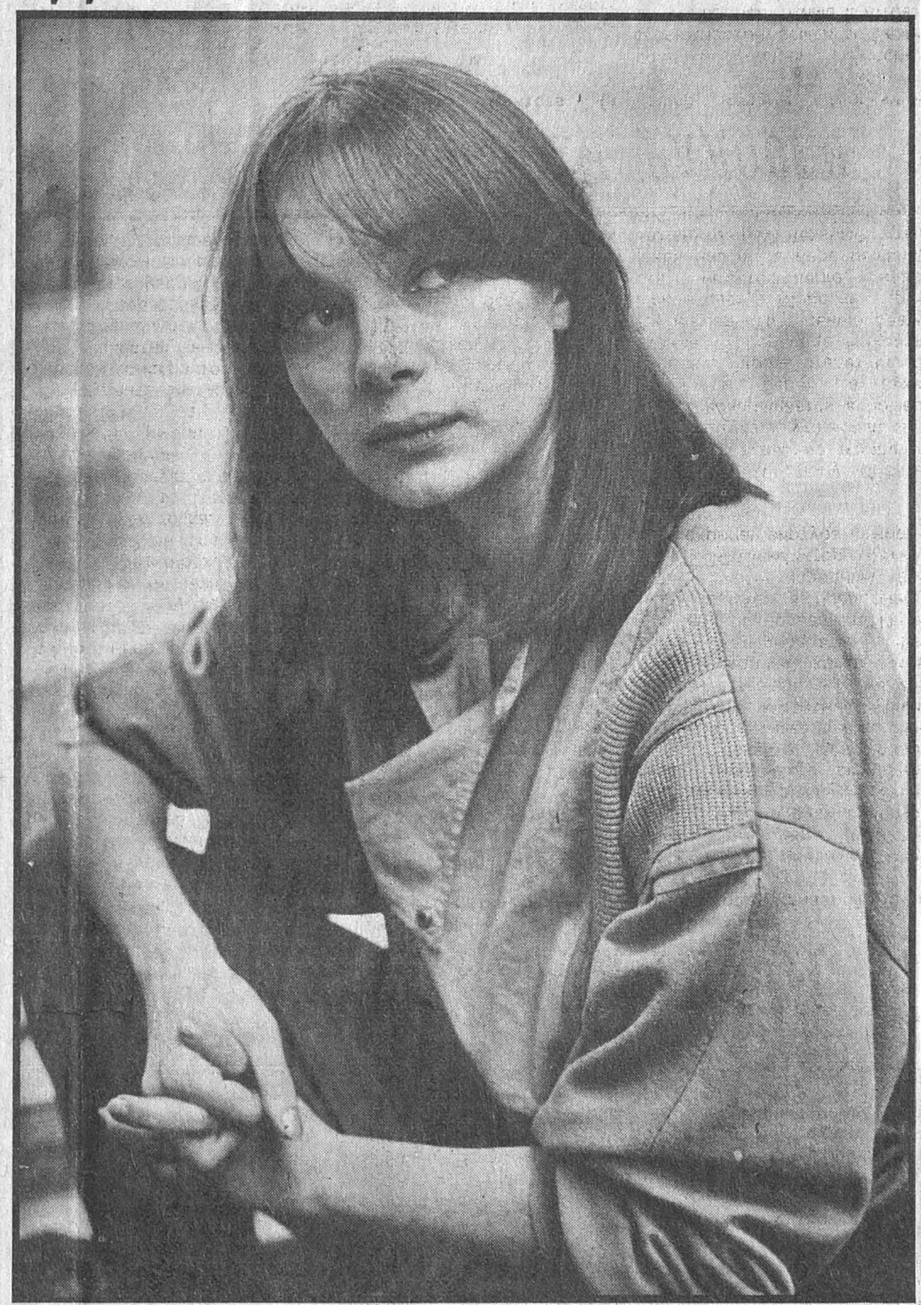
ТЕАТР МК

В ОЖИДАНИИ БАБЫ ЯГИ



«НЕ ВЕРЮ! В 14-летнюю девчонку вы превратиться не сможете».— «Закройте глаза». Я закрыл. «Откройте». Открыл и вздрогнул: на меня смотрела прилежная отличница — с двумя косичками, с давно решенной контрольной в руках...

Слово «инженю» (актриса, играющая наивно-простодушных девушек) ныне устарело. Видимо, считается, что инженю днем с огнем не сыскать. Однако роли обаятельных и «сложных» девушек все еще, к счастью, встречаются в спектаклях.

В Центральном академическом театре Советской Армии всех молоденьких девушек играет актриса **Валентина ВОЙЛКОВА.**

— Каковы ваши самые крупные жизненные удачи?

— Самая крупная — рождение. Затем — поступление в ГИТИС на курс Андрея Алексеевича Попова, гениального актера, педагога и человека. Мне вообще везет на хороших людей, на друзей, на партнеров. Повезло, что попала в ЦАТСА. Знаете, мои однокурсники распределились в другие театры и в лучшем случае заняты в 2—3 спектаклях. Не хочу показаться нескромной, но я играю 12 ролей: Еву в «Солдате и Еве», Татьяну в горьковском «Старике», Фьореллу в спектакле «Моя профессия — синьор из общества»... Возможность работать — это как синяя птица в руках.

— Как складываются ваши отношения с режиссерами?

— Актер, как известно, профессия зависимая. Доверяю режиссеру, ведь он имеет свою концепцию спектакля, он командир. Если я смотрю на пьесу несколько иначе, держу свое мнение при себе: режиссеру видней. Если все займутся самовыражением, выйдет разношерстный бред. Кто в лес, кто по дрова — так нельзя. От того, смог ли режиссер убедить актеров в своей правде, зависит целое спектакля и каждая роль в отдельности. Актерская задача — разобраться в нюансах, не видимых режиссеру. В процессе работы что-то отбрасывается, а что-то из предложенного тобой он принимает. Но ежели режиссер не знает, чего хочет, тогда...

— Вы чувствуете, что растете как актриса?

— Мне трудно судить, человеку всегда непросто взглянуть на себя сторонним глазом. Тем паче когда речь идет о профессиональном росте.

Я могу лишь сказать, изменилась ли я внутренне, в психофизическом плане, и насколько возросли или уменьшились мои умственные способности. Моя специфика — героини от 14 до 18 лет, но мне все больше кажется, что я могла бы сыграть сегодня по крайней мере своих сверстниц. Их почему-то играют, как правило, актрисы более старшего возраста. Хотя испокон веку на театре плавного перехода из одной возрастной категории в другую не бывало: актрисы не стареют — и правильно делают. А эликсир вечной молодости им помогают изобрести режиссеры.

— Но не век же вам в «девушках сидеть». В конце концов это покажется...

—... смешным? Но это еще за горами. Вот гардеробщицы и билетерши, самые чуткие и профессиональные зрительницы, в один голос утверждают, что со мной пока все в порядке, девчонка как девчонка. А наша буфетчица однажды, когда я после репетиции зашла в буфет в школьном платье, даже принялась меня расспрашивать, как это мне удалось «заделаться» актрисой в столь юном возрасте и нельзя ли, мол, устроить в театр ее дочь, «тоже» школьницу.

Нет, дело не в одном только возрасте. Я знаю, что многие актрисы и в 21 год не могли играть «мои» роли. Тут определенные способности нужны, не без них...

— Какие же?

— Помимо внешней «фактуры» (словечко, вымученное критиками), должна быть, по-моему, врожденная предрасположенность к «впадению» в детство, к инфантилизму и несерьезности, если хотите.

Обожаю играть в детских спектаклях. Это только так говорится — детская аудитория: дети-то приходят с родителями. Зал — полторы тысячи мест, но стараешься играть только для детей. От них исходит какое-то «детское» поле, энергия понимания. Чего стóит их смех, реплики с места, словом, непосредственность. Детские реакции — реакции в чистом виде, без примесей.

— Вы, наверное, как опытный врач знаете «болевые точки» спектакля — когда последует та или иная реакция...

— В общем-то, да. Но, как ни странно, раз на раз не приходится. Те наши реплики, которые заставляли зал, скажем, хохотать, в один непрекрасный день не срабатывают.

— И что же вы ощущаете в эти «провальные» моменты? Теряетесь?

— Не шок, разумеется, но нечто подобное. Нет смысла искать виноватых на стороне, причину этому надо найти в себе самой.

— А трудно это — помолодеть?

— Пара пустяков. Все зависит от костюма. В вечернем платье я буду вести себя и выглядеть совсем иначе, чем в школьном. Пока надеваешь платье, пока делаешь «хвостик» на голове, чисто физиологические изменения в себе ощущаешь. Правда, правда. Все это, конечно, игра подсознания. Не думайте, что я гляжусь в зеркало и приколдовываю: «Мне 14 лет, мне 14 лет...».

— Эдак и раздвоиться можно?

— Один раз — просто ужас, вспоминать не хочется: произношу монолог, смотря в зал, на партнеров, а в голове, как телетайп: нужно зайти в аптеку... в магазин... купить одно, другое, третье...

Это у нас называется — играть на автопилоте. До того дня я об этом краем уха слышала, а тут... Значит, думаю, не настроилась, значит, в роль не вошла. Это плохо, это уже не искусство. К счастью, только однажды так было: перепугалась жутко.

Панацея одна: максимально сильно проживать роль, в этом случае даже самый неталантливый актер заставляет себя раствориться в партнере. В этом и есть искусство театра. Надо пытаться сразу существовать в нескольких планах (кроме житейского!). Положим, по ходу действия я должна задушевно признаться: «Я тебя люблю», хотя я, героиня, этого человека не переношу. Найти интонацию, жест, в которых зритель прочитает подтекст, и возникает уже примитивная, но все-таки многослойность. Одномерное ощущение роли губит спектакль, он обречен изначально. На одном первом плане невозможно создать объемный образ, выявить нюансы характера. Спектакль и интересен тем, что зависит от нюансировок актеров, от их поиска новых красок. И чем больше играешь одну и ту же роль, тем больше открываешь нового. Спектакль должен производить ощущение жизни.

— Отчего же спектакли изнашиваются, умирают?

— Бесконечно долго спектакль существовать не может, но, думаю, если он правильно построен, если в нем есть пространство для мыслей, для импровизации, он может заставить зрителя задуматься. Об этом лучше всех сказал Блок: «...Актеры, правьте ремесло, чтобы от истины ходячей всем стало больно и светло!».

— Какие же роли представляют для вас несомненный интерес?

— Самые разнообразные: социальные, инфернальные, характерные... Я с радостью играла Бабу Ягу и ее дочь в «До третьих петухов» Шукшина, Наташу в «Трех сестрах»... В институте у нас была возможность выбора.

— Но вы же знали, на что шли: актер — профессия подчиненная.

— Ко всему нужно подходить философски: пока дышу, надеюсь.

— Ну а будь вы обладательницей золотой рыбки, какие три «театральных» желания вы бы у нее испросили?

— Так... Хочу, чтобы молодые актеры имели возможность играть роли, адекватные их данным и мироощущению; хочу, чтобы мы могли радоваться победам талантливых режиссеров задолго до их сорокалетия; хочу, чтобы мы почаще задумывались о собственном предназначении. О том, что может стать предметом искусства, и не забывали о будущем.

А. МАРКЕВИЧ.

Фото А. АСТАФЬЕВА.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ
Москва
9 ЯНВ 1986